

Тан Жояо: [Моя сестра просила тебя принести мне мазь?]

Гуань Хань: ...

Затем она переслала сообщение Цинь Инун и спросила её, как ей следует отреагировать.

Цинь Инун замолчала.

Она не ожидала, что она поступит так прямо. Вскоре после того, как она передала письмо, Тан Жояо догадалась, что Жуань Цинь получила инструкции от Гуань Хань, а стоящая за Гуань Хань, должно быть, она сама.

Но больше всего Цинь Инун удивило то, что после того, как она узнала об этом, её первой реакцией был не гнев, а чувство, похожее на гордость.

Цинь Инун сидела на диване, держа в руках мобильный телефон, и перечитывала сообщения, которые Гуань Хань пересылала ей снова и снова, и невольно подняла уголки губ.

Девочка очень умная.

В следующий момент она снова начала беспокоиться о Тан Жояо. Почему она не использовала свой ум должным образом? Использовать его только для того, чтобы угадывать её мысли, означало раздувать из мухи слона.

Цинь Инун вздохнула.

Гуань Хань получила ответ.

Цинь Инун: [Сделайте вид, что не знаете об этом]

Гуань Хань: [Хорошо]

В ожидании новостей ладони Тан Жояо всё сильнее вспотели. Ей пришлось на время отложить телефон и вытереть пот двумя салфетками. Как только она снова взяла телефон, раздался звук дин-дон...

Она специально включила рингтон на сообщение.

Гуань Хань: [Какая мазь?]

Тан Жояо: ...

Тан Жояо не стала задавать дальнейших вопросов и напрямую позвонила Жуань Цинь.

Жуань Цинь уже поговорила с Гуань Хань. Гуань Хань только что предупредила её холодным взглядом и суровым выражением лица. Когда Тан Жояо позвонила ей, она всё ещё была напугана, и её тон был немного льстивым:

— Что случилось?

Тан Жояо:

— Мазь действует очень хорошо.

Жуань Цинь неловко улыбнулась:

— Лишь бы работало.

Тан Жояо:

— Пожалуйста, спроси у Гуань Хань, осталось ли у неё что-нибудь, и пришли мне ещё две коробки.

Жуань Цинь была ошеломлена.

Разве Гуань Хань не сказала ей не говорить, кто это послал?

Тан Жояо небрежно спросила:

— Ты всё ещё с ней?

Жуань Цинь почувствовала себя немного странно, но всё равно честно ответила:

— Нет.

Это значит, что когда-то мы были вместе.

Тан Жояо уже получила желаемый ответ. Она изо всех сил постаралась сдержать восторг и спокойно сказала:

— Тогда забудь. Я расскажу ей в следующий раз.

Жуань Цинь:

— Хорошо.

В любом случае, она не могла увидеть Гуань Хань просто потому, что хотела.

Тан Жояо повесила телефон.

Она опустила голову, отложила телефон и снова взяла флакончик с мазью в ладонь, осторожно потирая его кончиками пальцев. Уголки её губ невольно приподнялись, а выражение лица стало гораздо мягче, чем прежде.

Цинь Инун всё ещё заботилась о ней, но она не хотела, чтобы другие знали об этом.

Тан Жояо не могла понять, в чём причина, но ей этого было достаточно. Она не стала бы просить о том, о чём не стоило просить. Она просто хотела остаться такой, как прежде, и провести последний год так, как прежде.

Возможно, когда я в будущем оглянусь на этот опыт, я буду чувствовать себя по-другому.

Если бы не Цинь Инун, её нынешняя ситуация была бы совсем другой. Она не смела даже представить, как бы всё сложилось, но лучше, чем сейчас, она точно не была бы.

Один год.

Её контракт с Цинь Инун истекает через год. Что ей делать?

Тан Жояо медленно прищурилась.

С Жуань Цинь было легко общаться, и её можно было игнорировать. Что касается остальных... Она воспользовалась влиянием Цинь Инун и теперь обрела титул кинокоролевы, что значительно расширило её круг общения. Она просто не знала, позволит ли Цинь Инун подружиться с ними.

Она должна быть человеком с сильным стремлением к контролю и не позволять ей выйти из-под контроля.

Тан Жояо слегка прикусила нижнюю губу и отбросила эту идею.

Давайте рассмотрим это шаг за шагом.

Если она снова рассердится, то остался всего один год, поэтому лучше молчать, чтобы избежать осложнений.

Тан Жояо взяла пульт дистанционного управления, нажала кнопку запуска и продолжила смотреть свой документальный фильм.

Единственное, что ей оставалось делать сейчас, – это постоянно совершенствовать свои актёрские навыки и готовиться к каждой возможности, которая ей предоставится. Индустрия развлечений была хаотичной и запутанной, с бурлящим капиталом и негласными правилами. Но это не означало, что у талантливых людей нет будущего. Она уже добилась успеха, поэтому ей нужно было воспользоваться этой возможностью.

В глазах Тан Жояо вспыхнул яркий свет, а затем погас.

Цинь Инун провела весь день в гостиной, читая сценарии. Хотя качество сценариев, просмотренных Ань Лин, было гарантировано, Цинь Инун не любила повторять роли, которые играла раньше. У актёров тоже есть зоны комфорта. Многократно играя одни и те же сцены и становясь мастером, они вырабатывают определённые шаблоны. Эти бессознательные шаблоны могут сделать их игру «прилизанной».

Поэтому актёру лучше всего спонтанно выходить из зоны комфорта. Комфорт – серьёзное ограничение для актёрского мастерства.

У Цинь Инун была целая стопка сценариев, и, как ни странно, единственным сохранившимся оказался тот, который Ань Лин в шутку дала ей, – сценарий про учителя и ученика. Учительница в пьесе, замужняя женщина с детьми, борется как с разумом, так и с эмоциями в отношениях, подчинённых двойным табу, стойко выдерживая и сдерживая себя. Хотя такая роль не была для Цинь Инун новой, применение её к однополым отношениям представляло собой новый и сложный элемент.

В последние несколько лет появилась поговорка:

— Я просто влюбляюсь в человека, независимо от пола.

Между гомосексуальностью и гетеросексуальностью нет разницы, кроме пола романтического партнёра. Однако, по мнению Цинь Инун, поскольку гомосексуалы находятся в меньшинстве, они не подвержены воздействию солнца и меньше ограничены законом. Чистота их эмоций

порой гораздо выше, чем у мужчин и женщин. Чувство доверия, преданности и душевного влечения – вот что стоит изучить.

Для увлечённого актёра важнее всего – сыграть сложную роль, которая выходит за рамки привычного. Что касается выхода фильма в прокат в материковом Китае, у «Цинь Инун» нет недостатка в местных наградах. Более того, при хорошей съёмочной группе фильм вполне может получить награды за рубежом. Сценарий затрагивает темы феминизма, гомосексуальности и другие, что в какой-то степени соответствует общемировому мнению и последним тенденциям в области наград.

Цинь Инун не могла не подозревать, что Чай Цзыцю писал свой сценарий, основываясь на критериях отбора иностранных фильмов. Чай Цзыцю, человек с определённым талантом к самолюбованию, написал несколько коммерческих сценариев, которые хорошо собрали кассу, но пока не добился большого успеха в сфере артхауса. Дело не в том, что он не умел писать, а в том, что сценарий был лишь основополагающим компонентом успешного фильма, компонентом, на который многие могли влиять и который часто искажался до неузнаваемости. Все его немногочисленные артхаусные фильмы пострадали, заслужив горькие насмешки некоторых представителей индустрии.

У Цинь Инун возникла идея, и она решительно позвонила Ань Лин.

Ань Лин удивлённо ответила на звонок:

— Вы разве не в отпуске?

Цинь Инун:

— Я закончила читать сценарии, которые ты мне дала.

Ань Лин:

— И это всё?!

Цинь Инун презрительно усмехнулась:

— Некоторые просто пролистывают и выбрасывают.

Хотя хороших сценариев много, они не везде. Их нужно отсеивать волнами.

— О, – Спросила Ань Лин, — и что?

Цинь Инун зажала уголок сценария двумя пальцами и громко пролиستала страницы.

— Передай Чай Цзыцю, чтобы он написал для меня полный черновик этого безымянного гомосексуального сценария.

— Вас не смущает тот факт, что это голый фильм, без продюсера и режиссёра?

Цинь Инун облизнула губы и сказала:

— Я сама буду продюсером. У меня есть несколько кандидатов на должность режиссёра. Я с ними свяжусь.

Ань Лин была её партнером на протяжении многих лет, поэтому она поняла, что она имела в

виду, и без лишних уточнений:

— Вы хотите рекламировать Пинъан Медиа?

Цинь Инун пробормотала:

— Поэтому я буду внимательно следить за первым фильмом.

Цинь Инун только что основала медиакомпанию Пинъан Медиа. По мере роста её студии она ощутила необходимость в создании кино- и телекомпании. Кроме того, наличие собственной кино- и телекомпании значительно упростило бы привлечение новых артистов и инвестиции в фильмы и сериалы.

Более того, её репутация весьма скверная. Если она избежит трёх слов «Цинь Инун», мало кто из прохожих, за исключением представителей развлекательных СМИ, будет вникать в то, кто стоит за Пинъан Медиа. Это также хорошо для её артистов, поскольку значительно уменьшит количество злобных высказываний.

Почему бы не сделать что-то, что может убить трёх зайцев одним выстрелом?

Ань Лин немного волновалась:

— Ты уверена, что сможешь выиграть награду?

Цинь Инун подняла брови и недоверчиво спросила:

— Почему я иногда возвращаюсь ни с чем после того, как что-то сделала?

Ань Лин задохнулась и была настолько потрясена её высокомерием, что на долгое время лишилась дара речи.

Цинь Инун улыбнулась и сказала:

— Я просто шучу. Неудача не имеет значения. Хотя я и не накопила много денег, я всё равно могу позволить себе потерять их на фильме. И неужели вы думаете, что я зря проработала в этой индустрии все эти годы? Если я захочу снять фильм, независимо от того, получу я награду или нет, найдётся множество людей, которые вложат в него деньги, просто чтобы показать мне своё лицо.

Ань Лин почувствовала нетерпение и ей захотелось сделать ход:

— А что, если я тоже попробую инвестировать?

Цинь Инун спокойно отказалась:

— Нет, его нельзя выпускать в материковом Китае. Я не могу дать вам много кассовых сборов, это убытки.

Ан Лин:

— Тогда ты...

Все ещё позволяешь другим инвестировать?

Цинь Инун поняла её мысли и спокойно сказала:

— Они все чужаки, но ты – нет.

Ань Лин не могла не почувствовать тепло на сердце.

Ранее она работала менеджером со многими молодыми, говорливыми артистами, у которых было много козырей в рукаве, но никто из них не мог сравниться с заботой и особым отношением Цинь Инун в те моменты, когда она была непреднамеренной, что трогало её ещё больше. Это было похоже на вино с долгим послевкусием: поначалу оно может показаться не таким уж и особенным, но если его смаковать, то послевкусие будет бесконечным.

Недаром говорят, что айсберг становится наиболее соблазнительным, когда тает.

Ань Лин вдруг почувствовала лёгкую ревность к Тан Жояо. Её так огорчило то, что она не чужая, что она захотела посвятить себя ей. Тан Жояо, должно быть, выслушала от неё столько нежных слов. Чудо, что она всё ещё жива.

— Я свяжусь с Чай Цзыцю, – Напомнила ей Ань Лин, прежде чем повесить телефон. — Отдохни.

— Знаю.

Цинь Инун отложила телефон и осторожно прижала веки, которые воспалились от перенапряжения. Часы в гостиной пробили половину четвёртого, и зазвонил установленный ею будильник. Она встала, опираясь на диван обеими руками, намереваясь постучать в дверь и разбудить Цзи Шулань.

Ниннин заканчивает школу в 4:30.

Как только она подошла к двери, она открылась изнутри.

Глаза Цзи Шулань вспыхнули от удивления, и она пробормотала её прозвище:

— Дуду.

— Мама, – Цинь Инун спокойно убрала руку, отступила в сторону и с лёгкой улыбкой сказала:

— Пора идти.

Опасаясь пробок, они выехали на полчаса раньше. К счастью, дорога была хорошая, и они добрались до детского сада незадолго до четырёх. Некоторое время они молча сидели в машине. Когда воспитательница, ведущая детей, появилась у школьных ворот, Цзи Шулань, волоча хромую ногу, вышла из машины и, как и многие другие родители, с тревогой ждала у обочины.

Цинь Инун – публичная фигура, поэтому сидела в машине и смотрела сквозь солнцезащитную плёнку.

Детей было слишком много, и все они выглядели одинаково. Глаза у неё уже болели, а от долгого рассматривания закружилась голова, так что она просто закрыла их.

Через несколько минут, а может, и больше десяти, задняя дверь открылась, и внутрь хлынул свет. Цинь Инун надела солнцезащитные очки и маску и тут же повернула голову. Она подождала, пока дверь снова закроется и не будет риска быть сфотографированной тайком, и

только потом повернула голову.

На коленях у Цзи Шулань сидела маленькая девочка. На ней было белоснежное платье принцессы и лакированные чёрные кожаные туфли. На вид ей было всего два-три года. У неё было нежное личико и глаза, яркие, как чёрный виноград. Она поджала губы и робко посмотрела на женщину перед собой, плотно укрытую.

Цинь Инун сняла солнцезащитные очки и маску, слегка скривила губы и мягко спросила:

— Ты меня не узнаешь?

Девочка спряталась на руках у бабушки, словно хотела на неё прыгнуть, но не решилась. Цзи Шулань ободряюще посмотрела на неё сверху вниз и понесла вперёд. Девочка взглянула на лицо Цинь Инун и осторожно забралась к ней на ноги.

Цинь Инун крепко обняла её, опустила голову и нежно поцеловала её гладкое лицо, похожее на её собственное.

Лицо Ниннин тут же слегка покраснело. Она так смутилась, что уткнулась лицом в шею. Маленькие ручки вцепились в воротник и детским голоском позвали:

— Мама!

Автору есть что сказать:

Величайшая голевая передача в истории.

<http://bllate.org/book/14118/1713889>